

II. ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ АНТИЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

И. В. БРУЯНО

Северо-Западное Причерноморье в VII—V вв. до н. э. Начало колонизации Нижнего Поднестровья

Начало колонизации Северного Причерноморья хронологически тесно смыкается с заключительной фазой киммерийского периода раннего железного века. И хотя киммерийский вопрос — проблема более чем самостоятельная, для дальнейшего изложения необходимо хотя бы кратко остановиться на верхней дате киммерийских древностей. *Terminus ante quem* последним служит основание первой греческой колонии на Березани в середине VII в. до н. э.¹ Видимо, такая жесткая хронологическая последовательность этих двух культурных феноменов вряд ли имела место в действительности. Верхняя дата киммерийского этапа теряется где-то в пределах первой половины VII в., вероятнее всего, ближе к рубежу VIII—VII веков. Последний тезис сам по себе не нов². Обосновать его в сжатой форме можно следующим образом: 1) хронологическое совмещение черногоровской и новочеркасской групп³ снимает проблему выделения для последней «персонального» временного промежутка, обозначенного в свое время А. И. Тереножкиным 750—650 гг.⁴; 2) новые даты раннескифских

¹ В дальнейшем все даты приведены в рамках дохристианской эры.

² См.: *Иессен А. А.* Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе // ВССА. С. 130; *Мурзин В. Ю.* Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. К., 1990. С. 5.

³ *Дубовская О. Р.* К интерпретации комплексов типа Новочеркасского клада // СА. 1989. № 1. С. 67.

⁴ *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. К., 1976. С. 208.

памятников, по которым около 650 г. они появляются уже в бассейне среднего Днестра⁵; 3) можно предполагать, что исход киммерийцев и пришествие скифов, судя по Геродоту, разделяла некоторая временная лагуна⁶; 4) отсутствие смешанных киммерийско-греческих комплексов, с одной стороны, и появление ионийского импорта в степных и лесостепных комплексах второй половины VII в., а может быть даже раньше, с другой⁷. Итак, время около 700 г., скорее всего, можно считать финальным этапом для киммерийских памятников, в том числе и для рассматриваемого региона.

Поскольку первая греческая апойкия в Поднестровье — Никоний — возникает около середины VI в., мы получаем временной разрыв приблизительно в 150 лет между киммерийской эпохой и греческой колонизацией, о котором археологические материалы дают чрезвычайно скудную информацию. Исключая случайные находки (Рис. 1), мы располагаем единственным раннескифским погребением у с. Огородное (Городнее; Рис. 1—5)⁸. Причем, если обратиться к смежным районам, то и здесь скифские комплексы VII — первой половины VI вв. исчерпываются погребением у с. Старые Куконешты на Среднем Пруте⁹. Датировки этих двух комплексов сейчас, согласно новой хронологической схеме¹⁰ могут быть несколько понижены: Огородное — начало VI в., Ст. Куконешты — конец VII, либо рубеж VII—VI веков.

Ненамного лучше обстоит дело с фракийскими древностями. И если в VII в., особенно в первой его половине, в лесостепной Молдове масса памятников шолдэнештской группы¹¹, то в степной зоне (Буджак) лишь на крайнем западе у переправы через Дунай отмечены 2 местонахождения этого периода

⁵ Смирнова Г. И. Культурно-исторические процессы в бассейне Среднего Днестра в конце II — первой половине I тыс. до н. э.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. К., 1990. С. 30.

⁶ Нег. IV. 11.

⁷ Шрамко Б. А. Архаическая керамика Восточного укрепления Бельского городища и проблема происхождения его обитателей // АСГЭ. 1983. Вып. 23. С. 73; *его же*. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). К., 1987. С. 125.

⁸ Субботин Л. В., Загинайло А. Г., Шмаглий Н. М. Курганы у с. Огородное // МАСП. 1970. № 6. С. 151—152, 155.

⁹ Дергачев В. А. Раннескифское погребение на Среднем Пруте // СА. 1979. № 3. С. 239—241.

¹⁰ Полін С. В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. 1987. № 59. С. 17—36.

¹¹ Демченко Т. И., Левицкий О. Г. К вопросу о шолдэнештских памятниках на территории Молдавии // АИМУМ. Кишинев, 1990. С. 111—120.

(Орловка и Новосельское II; Рис. 1 — 1, 2)¹² Оба отмеченных района Молдовы и Подунавья являются наиболее вероятными источниками появления некоторых типов лепной керамики в Нижнем Побужье и, в частности, на Березани.

Следует упомянуть еще об одном. При довоенных раскопках позднетрипольского поселения у с. Усатово была собрана небольшая коллекция лепной керамики (Рис. 1 — 16), аналоги которой без труда можно обнаружить на памятниках правобережной лесостепи раннескифского времени¹³. Напрашивается вывод о периодическом проникновении населения из этих районов в степную зону, причем, судя по отсутствию в Усатово архаического импорта, можно предположить, что это местонахождение, вероятно, существовало еще до, либо в самом начале эпохи колонизации, т. е., не позднее VII века¹⁴. О проникновении каких-то элементов, или даже отдельных групп населения из лесостепи предскифского и раннескифского времени на юг и юго-запад может свидетельствовать также чернолесская керамика поселения Кременчук¹⁵, отдельные фрагменты кухонной посуды из Орловки¹⁶, некоторые сосуды и Бырешт¹⁷ (Рис. 1 — 1, 17; 2 — 8).

Имеющиеся для VII — первой половины VI вв. археологические данные позволяют обрисовать ситуацию следующим образом. Несмотря на крайнюю малочисленность раннескифских комплексов, их культурная атрибуция сомнений не вызывает. Следовательно, можно предположить появление в Северо-Западном Причерноморье первой, небольшой по численности (военно-миграционной) волны номадов около

¹² Головки И. Д., Бондарь Р. Д., Загинало А. Г. Археологические исследования у с. Орловка Болградского района Одесской области // КСОАМ за 1963 г. Одесса, 1965. С. 70—74; Бруйко И. В., Гизер С. Н. Фракийская керамика из раскопок городища Новосельское-II на Нижнем Дунае // Охранные историко-археологические исследования на Юго-Западе Украины. Одесса; Запорожье, 1990. С. 113—121.

¹³ Раскопки М. Ф. Болтенко, Е. Ф. Лагодновской. Материалы не изданы, хранятся в фондах ОАМ АН УССР.

¹⁴ Бруйко И. В. Скифская керамика античных поселений Нижнего Поднестровья VI—V вв. до н. э. // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. Кировоград, 1987. Ч. I. С. 28—30.

¹⁵ Яровая Е. Керамика из раскопок в селе Кременчук Николаевской области // МАСП. 1957. № 1. С. 55—62.

¹⁶ Раскопки Р. Д. Бондарь. Материалы не изданы, хранятся в фондах ОАМ АН УССР.

¹⁷ Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. М., 1979. С. 92. Рис. 30 — 7.

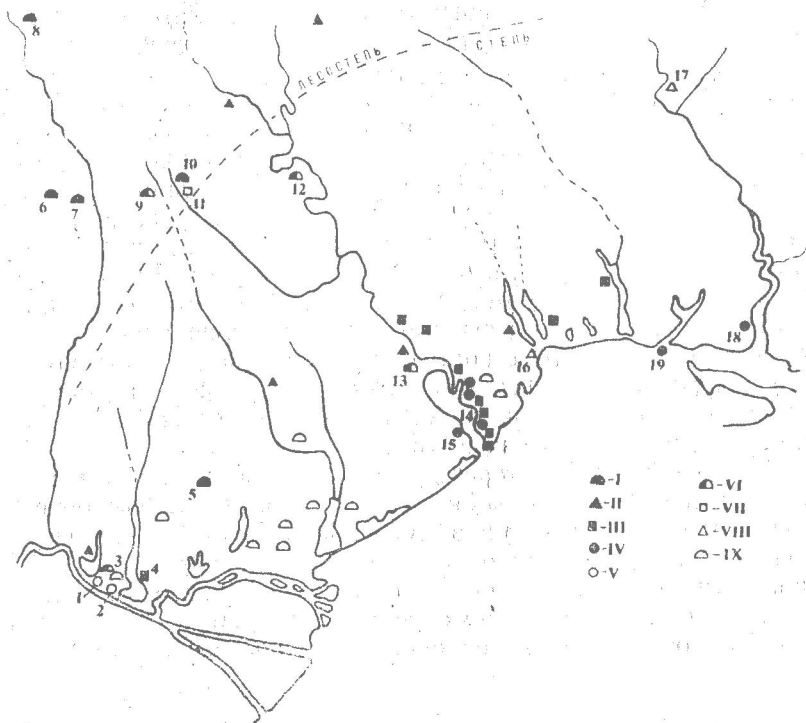

Рис. 1. Археологическая карта Северо-Западного Причерноморья VI—V вв. до Р. Х.

I — скифские погребения VI—V вв.; II — отдельные находки скифских вещей; III — пункты находок архаической керамики; IV — античные местонахождения; V — многослойные фракийские памятники; VI — погребения «смешанного» типа, со скиофракийскими элементами в погребальном обряде; VII — фракийский могильник; VIII — степные местонахождения с предскифской и раннескифской керамикой; IX — скифские погребения середины — второй половины V в.; 1 — Орловка; 2 — Новосельское; 3 — Чауш (курган № 6); 4 — Ново-Некрасовка; 5 — Огородное; 6 — Васлуй; 7 — Хуши; 8 — Старые Куконешты; 9 — Пыржолтены; 10 — Суручены; 11 — Данчены; 12 — Коржево; 13 — Олонешты; 14 — Никоний; 15 — Тира; 16 — Усатово; 17 — Кременчук; 18 — Ольвия; 19 — Березань

600 года¹⁸. Путь их проникновения в западный ареал степного коридора на самом деле не совсем ясен. Если считать появление здесь скифов результатом миграции, то, видимо, нужно учитывать ряд основных критериев, детерминирующих этот процесс. Одним из них, по В. С. Титову, является территориальный¹⁹. В этом случае наиболее вероятным выглядит продвижение скифов в придунайские степи с севера, из районов Среднего Днестра и Прута, где наиболее ранние их комплексы (Ленковцы, Круглик) датируются серединой — второй половиной VII века²⁰. Последовательно двигаясь вниз по течению Прута, скифы достигли Нижнего Дуная, где инерционная сила этой волны иссякла. Маркирующими точками этого продвижения могли быть погребения у Ст. Куконешт и Огородного. Пока этот путь выглядит предпочтительнее того, который предполагает миграцию первой (для нашего региона) волны кочевников с востока на запад по степному коридору вплоть до низовьев Дуная, поскольку скифские памятники VII и большей части VI в. на юге Северо-Западного Причерноморья пока не известны.

Исключительный интерес для этого периода представляют два фракийских многослойных памятника на левом берегу Дуная, прикрывавшие район переправы, так называемый «дунайский замок» (Орловка и Новосельское; Рис. 1 — 1, 2). Транскультурный характер этого феномена уже отмечался в литературе²¹. Нас в данном случае интересуют эти памятники в связи с открытыми в последние годы новыми поселениями

¹⁸ Практически одновременно первый восточный импульс отмечается в Карпато-Дунайском бассейне в области Семиградья (См.: Nestor J. Der Stand der vorgeschichtsforschung in Rumänien // BRGK. 1932. Т. 22. S. 144; Crisan I. H. Once more about the Scythian problem in Transilvania // Dacia. 1965. Т. IX. P. 144) и группе Фериджиле (Vulpe A. Zur Chronologie der Feridgile-Gruppe // Dacia. 1977. Т. XXI. S. 92). В предлагаемой С. С. Бессоновой и С. А. Скорым схеме ритмичного проникновения скифов в Северное Причерноморье и правобережную лесостепь эта дата соответствует второй волне (Скорый С. А. Курган Переп'ятиха. К., 1990. С. 92).

¹⁹ Титов В. С. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового света. М., 1982. С. 92.

²⁰ Смирнова Г. И. Указ. соч. С. 30.

²¹ Брумяко И. В., Карпов В. А., Петренко В. Г. О ритме палеогеографических изменений и смене культурных групп в Северо-Западном Причерноморье // История и археология Нижнего Подунавья. Тез. докл. Рени, 1989. С. 5—7; Добролюбский А. О. Кочевники на юго-западе СССР в X—XVIII веках (историко-археологическое исследование): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1989. С. 12, 18.

истрийской хоры архаического времени²². Наряду с известными ранее (Александрия и Тариверде) они могут свидетельствовать о заполнении демографической лакуны в Добрудже, по крайней мере, начиная с VI века. И хотя в Орловке и Новосельском раннего греческого импорта пока не найдено²³, все же считаю возможным включить эти два памятника в область расселения фракийских племен северо-восточной Добруджи, составлявших географическое окружение («оболочку») архаической Истрии. Этому не противоречит наличие среди материалов Новосельского значительной группы керамики позднегалльштатского (VII—VI вв.) облика²⁴. «Дунайский замок», по всей вероятности, служил достаточно надежным заслоном против пока еще крайне немногочисленных и появлявшихся в Подунавье нерегулярно скифских отрядов. Такое положение сохранялось вплоть до скифской экспедиции Дария.

В 60-х гг. на Среднем Днестре исследовалось поселение у с. Иванэ-Пустэ, где были встречены находки греческого импорта VI—V веков. К настоящему времени подобного же рода античная продукция, судя по опубликованным данным, зафиксирована еще на двух поселениях этого же района²⁵. Начальный этап их существования Г. И. Смирнова датирует второй половиной VII века²⁶.

Еще со времени раскопок Т. Сулимирского в Западной Подолии исследователи занимались поисками источника поступления в эти районы импортных вещей. В 60—70-е гг. считалось, что появление ионийской керамики на Среднем Днестре, равно как и в более восточных районах лесостепи Побужья и Поднепровья, было результатом торговой активности греческих колонистов нижнебугского района. Между тем, еще в начале 60-х гг. А. И. Фурманская²⁷, а в начале 70-х И. Б.

²² Alexandrescu P. Geten, Skythen und die Chora von Histria in archaischer Zeit // Местные этнополитические объединения Причерноморья в VII—IV вв. до н. э.: Материалы IV Всесоюз. симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо; Вани, 1985). Тбилиси, 1987. С. 284—285.

²³ Отмечены материалы более позднего времени, в т. ч. фрагменты клейменной тары, чернолаковой керамики, не выходящие за рамки IV века.

²⁴ Бруяко И. В., Гизер С. Н. Указ. соч.

²⁵ Смирнова Г. И. Новые данные о поселении у с. Долиняны (по материалам раскопок 1977—1978 гг.) // АСГЭ. 1981. Вып. 22. С. 56—57; Ганіна О. Д. Поселення ранньоскіфської доби поблизу с. Залісся // Археологія. 1984. № 47. С. 68—79.

²⁶ Смирнова Г. И. Культурно-исторические процессы... С. 31.

²⁷ Фурманская А. И. Античный город Тира // Античный город. М., 1963. С. 42—43.

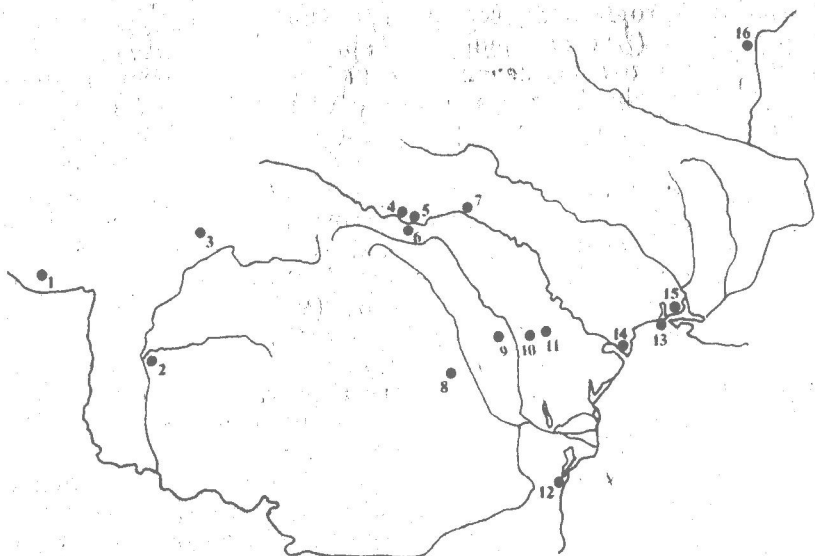

Рис. 2. Упомянутые в статье памятники Северо-Западного Причерноморья и Карпатского бассейна VII—V вв. до Р. Х.

1 — Хотин; 2 — Сентеш-Векерзуг; 3 — Кошице; 4 — Ивань-Пустэ; 5 — Залесье; 6 — Долиняны; 7 — Непоротово; 8 — Быршешти; 9 — Куртени; 10 — Пыржолтены; 11 — Данчени; 12 — Истрия; 13 — Березань; 14 — Никоний; 15 — Ольвия, 16 — Бельское городище

Брашинский²⁸ не исключали возможности, при которой поступление импорта на Средний Днестр могло происходить через греческие центры нижнего течения Тираса (Фурманская), или Истрию (Брашинский), что в общем-то, с географической точки зрения представляется более логичным²⁹. Тем не менее, «нижнебугский» вариант остается популярным до настоящего времени. Его сторонники ссылаются на позднее основание Никония и Тире, а также на их незначитель-

²⁸ Брашинский И. Б. Шляхи проникнення грецьких виробів на територію сучасної Західної України та сусідніх областей у скіфський час // УІЖ. 1972. № 2. С. 109—112.

²⁹ И. Б. Брашинский полагал, что греческие купцы могли использовать для этого течение Днестра, а также, посредством Дуная, Прутско-Сиретскую гидросеть. Считая Истрию одним из наиболее вероятных центров-экспортеров он, вместе с тем, не исключал из этого числа и Ольвию. В то же время, точку зрения А. И. Фурманской И. Б. Брашинский считал необоснованной (Брашинский И. Б. Вказ. праця. С. 111).

ный торгово-экономический потенциал в эпоху архаики³⁰. Можно, конечно, заметить, что и Ольвия с Березанью вряд ли в VI (не говоря уже о VII в.) были в состоянии охватить своей торговой деятельностью едва ли не всю территорию нынешней Украины. Однако более важным представляется следующее. На фоне ионийского импорта вначале как-то не акцентировалось внимание на такой группе материала, как сероглиняная гончарная керамика. После пересмотра в конце 60-х гг. версии Т. Сулимирского о ее кельтском происхождении³¹ и передатировки соответствующих памятников Западной Подолии, наряду с новыми находками из курганов и поселений, было высказано предположение о возможном появлении здесь серой керамики посредством греческих центров левого Понта³² и, в первую очередь, видимо, Истрии. Вопрос об источнике поступления сероглиняной гончарной керамики в Днестровско-Карпатскую область в VII—VI вв. вполне оформился как самостоятельная проблема. Поэтому ограничусь констатацией некоторых ключевых моментов. Прежде всего, ситуация осложняется почти полным отсутствием работ по хронологии сероглиняной посуды греческих центров³³. Тем более обречены на неудачу попытки датировать эту продукцию по комплексам лесостепных поселений, разве что исходя из суммарной датировки самого памятника, а она, как правило, охватывает значительный отрезок времени — примерно 150 лет. Отдельные комплексы, содержащие кружальную посуду (Круглик), по датам практически совпадают с начальным этапом существования Истрии, что вызывает известную неуверенность при попытках напрямую связать появление сероглиняной керамики в Прикарпатье, а возможно, также на Венгерской равнине и в Трансильвании с торговой активностью этого античного центра. С другой стороны, отстаивая местное производство этой керамики, следует признать факт знакомства туземного населения с гончарным кругом, по крайней мере, с середины VII в., о чем опять-таки свидетель-

³⁰ Самойлова Т. Л. Тира в VI—I вв. до н. э. К., 1988. С. 41; Охотников С. Б. Нижнее Поднестровье в VI—V вв. до н. э. К., 1990. С. 53.

³¹ Смирнова Г. И. Раскопки курганов у сел Круглик и Долиняны на Буковине // АСГЭ. 1968. Вып. 10. С. 14—27.

³² Ее же. Культурно-исторические процессы... С. 25.

³³ Исследования П. Александреску (Alexandrescu P. Les modeles grecs de la ceramique Thrace tournee // Dacia. 1977. Т. XXI. P. 113—137) и в какой-то степени М. Кожа (Coja M. La ceramique grise l'Histria a l'eroque Grecque // Dacia. 1968. Т. XII. P. 305—329) — едва ли не единственные в своем роде.

ствуют датировки памятников типа Круглик. Более четкой становится картина со второй половины VI века. Прежде всего, появляются комплексы с сероглиняной кружалной керамикой к северу и северо-западу от понтийского побережья, в южной лесостепи (Данчены, Пыржолтены)³⁴, а также в запрутской Молдове (Куртени, Бырсешти)³⁵. Считая находки из лесостепной Молдовы импортом, можно связать их появление здесь с началом колонизации эллинами Нижнего Поднепровья и с основанием Никония в середине VI в. (Рис. 2). Позднеархаические комплексы низовьев Днестра дают весьма разнообразный и достаточно представительный набор рассматриваемой группы керамики. Аналогичная картина наблюдается и в Истрии, а также на поселениях ее округи в северо-восточной Добрудже. Сравнительный анализ никонийской и истрийской серий, выполненный П. Дюпоном, показал их практически полную идентичность³⁶. Это, в общем-то, неудивительно, учитывая отстаиваемое в последнее время большинством исследователей мнение о Никонии как апойкии Истрии. Химико-петрографическое сопоставление «эллинского» и «варварского» наборов сероглиняной посуды — дело будущего. Однако территориальный фактор, равно как и типологическое сходство (Рис. 3) позволяют думать, что с VI в. (для районов к северу от Дуная) и со второй его половины (для Пруто-Днестровского междуречья) эта продукция проникала вглубь материка посредством греческих центров — Истрии и Никонии. Несмотря на наличие идентичных форм в Побужье, этот район вряд ли может рассматриваться как источник поступления серой керамики в Днестровско-Прутское междуречье и на Средний Днестр. И главным образом из-за полного или почти полного ее отсутствия на памятниках эпохи скифской архаики бассейнов Днепра и Буга, районов, которые обычно считаются сферами коммерческих интересов эллинов Нижнего Побужья³⁷.

Таким образом, в вопросе о распространении сероглиняной гончарной керамики в Днестровско-Карпатских землях точка

³⁴ Лапушняк В. Л. Ранние фракийцы X — начала IV вв. до н. э. в лесостепной Молдавии. Кишинев, 1979. С. 91. Рис. 30—7; С. 19. Рис. 4—12.

³⁵ Icoană C. Decouvertes recentes dans l'établissement hallstattien tardif de Curteni (dep. de Vaslui // Dacia. 1979. T. XXIII. P. 79—91; Мелюкова А. И. Указ. соч., С. 92. Рис. 30—2.

³⁶ Вслед за С. Б. Охотниковым ссылаюсь на устное сообщение П. Дюпона (См.: Охотников С. Б. Указ. соч. С. 66).

³⁷ На это обстоятельство мое внимание обратила Г. И. Смирнова.

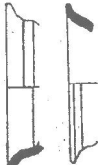

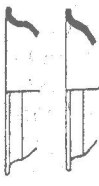
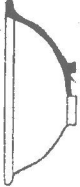

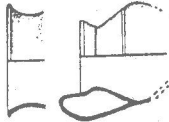
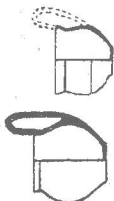

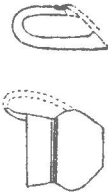

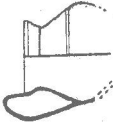

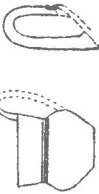

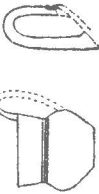

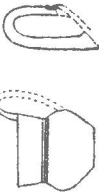
ИСТРИЯ	НИЖНЕЕ ПОДНЕСТРОВЬЕ	ЗАПРУТСКАЯ МОЛЛОВА	ЛЕСОСТЕПНАЯ МОЛДОВА (СССР)	СРЕДНЕЕ ПОДНЕСТРОВЬЕ
	<p data-bbox="191 995 212 1074">НИКОНИЙ</p> 	<p data-bbox="191 736 212 807">КУРТЕНИ</p> 	<p data-bbox="191 501 212 588">ДАНЧЕНЫ</p> 	<p data-bbox="191 250 212 368">ИВАНЗ - ПУСТЗ</p>
			<p data-bbox="383 462 404 580">ПЫРЖОЛТЕНЫ</p> 	
		<p data-bbox="574 744 595 831">БЫРЕШТИ</p> 		
				
	<p data-bbox="740 932 761 1089">НАДЛИМАНСКОЕ III</p> 			

Рис. 3. Сравнительная таблица некоторых типов сероглиняной гончарной керамики (масштаб разный). Рисунки сосудов приведены по публикациям: П. Александреску (Истрия), А. И. Мелюковой (Надлиманское-III и Бырешти), К. Иконому (Куртени), В. Л. Лалушняна (Данчены и Пыржолтены), О. Д. Ганиной (Иванз-Пустз)

зрения И. Б. Брашинского — А. И. Фурманской представляется наиболее обоснованной. При этом, видимо, нет смысла отдавать предпочтение какому-либо одному из указанных греческих центров-экспортеров, поскольку каждый из них в свое время имел и внешнеторговую ориентацию, predeterminedенную в значительной мере факторами географического порядка. Не исключено, что вывод Никония Истрией, если считать это положение доказанным, как раз и преследовал цели расширения области торговой экспансии, по крайней мере, в начальной стадии взаимоотношений апойкии и метрополии. Понятно, что торговые контакты, реконструируемые здесь, должны были носить двусторонний характер. Материальным выражением обратной направленности может служить наличие на нижнеднестровских поселениях эпохи поздней архаики определенной группы вещей среднеднестровского происхождения. Яркие образцы такого рода продукции, на мой взгляд, пока немногочисленны. Исключая лепную керамику, о которой см. ниже, в первую очередь отметим уникальную для античных памятников Северного Причерноморья и Крыма находку глиняной пинтадеры (Рис. 4—3). Она была обнаружена в Никонии в слое первой половины — середины V века. Районы концентрации этих изделий в раннем железном веке очерчиваются в границах Кавказа и Карпато-Дунайского бассейна³⁸. При этом отмечается большое сходство глиняных печатей из этих двух областей и, вместе с тем, полное отсутствие подобных предметов в Северном Причерноморье³⁹. Пинтадеры в большом количестве (около сотни экземпляров)

³⁸ О функциональном назначении этих предметов споры ведутся очень давно. Указывается, со ссылкой на Геродота (Her. V. 6), на возможное применение пинтадер при татуировке, или раскраске, последнее представляется более точным, частей тела, окраске тканей и, даже маркировке домашнего скота (Dušek M. Die Thraker im Karpatenbecken. Amsterdam, 1978. S. 147).

³⁹ *Chochorowski J.* Rola sigynow Herodota w środowisku kulturowym wczesnej epoki żelaza na Nizinie Węgierskiej // PA. 1987. Vol. 34. P. 206. Без каких-либо ссылок об отдельных, «скудных», находках пинтадер в Северном Причерноморье пишет М. Душек (Dušek M. Op. cit. S. 147). Недоразумением можно считать упоминание (со ссылкой на работу А. И. Мелюковой) о находках глиняных пинтадер на фракийских памятниках лесостепной Молдовы IX—VIII вв. в разделе «Археологии Венгрии» (Археология Венгрии (конец II тысячелетия до н. э. — I тысячелетие н. э.). М., 1986. С. 185). В указанном районе глиняные печати отмечены лишь на гетских памятниках IV—III вв. (Мелюкова А. И. Исследование гетских памятников в степном Поднестровье // КСИА. 1963. Вып. 94. С. 69. Рис. 19—7).

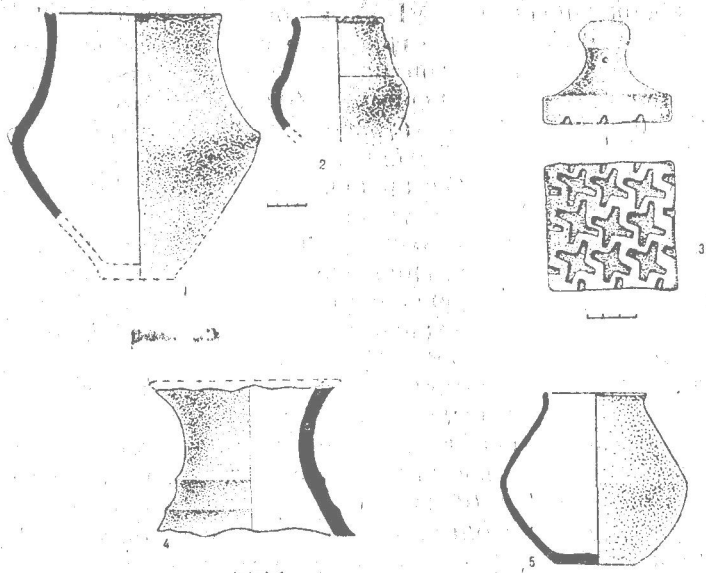

Рис. 4. Пинтадера и некоторые типы лепной керамики из Никония

известны в группе Сентеш-Векерзуг⁴⁰, где они датируются преимущественно V в., в позднегалльштатском могильнике Хотин (Рис. 2 — 1, 2)⁴¹ и т. д. Фрагмент пинтадера с орнаментальной композицией, аналогичной никонийскому экземпляру, происходит из Восточной Словакии (район Кошице) и датируется также V веком⁴².

Наличие обоюдных контактов между тирасскими колониями и туземным населением на самом раннем этапе неизбежно ставит вопрос о присутствии варваров в среде греческих колонистов и характере их взаимоотношений. Решить эту проблему можно, вычленив из всей суммы артефактов те, которые в той или иной степени соотносятся с материальной культурой варварского окружения⁴³. В настоящее время в Нижнем Поднестровье полностью отсутствуют памятники

⁴⁰ Chochorowski J. Die Vekerzug-Kultur. Charakteristik der Funde. Warszawa; Krakow, 1985. S. 81.

⁴¹ Dušek M. Op. cit. S. 194. Taf. III.

⁴² Miroššayova E. Problematika osídlenia Východného Slovenska v dobe Halštatskej // SA. 1987. T. XXXV. N. 1. P. 146, 154. Pl. III, 1.

⁴³ Имеется в виду как ближнее (непосредственное) окружение, так и дальнее.

лапидарной эпиграфики VI—V веков. Невелик банк данных и по ономастике, судя по граффито с именами владельцев⁴⁴. Среди прочих материалов наиболее информативной в этом плане является лепная керамика, благодаря утвердившемуся мнению о ней как о достаточно надежном индикаторе присутствия варварского населения.

В 60—70-е гг. на ряде архаических поселений были выделены две группы лепной керамики которые по типологическим признакам были соотнесены со скифским и фракийским этническими массивами. Появление первой связывалось с началом процесса седентаризации среди кочевников, а второй — с вовлечением в колонизационный процесс фракийцев-земледельцев истрийской хоры. Подтверждалось это следующим образом. Лепная керамика скифского облика из нижнеднестровских памятников была по сути идентична комплексу лепной керамики из скифских степных памятников конца V—IV веков. Источник поступления фракийской керамики определялся по наиболее близкой области расселения носителей этой культуры. Поскольку раннегетские памятники в Пруто-Днестровском междуречье еще не были выявлены, то в качестве «исходной» области, откуда шло проникновение фракийцев в низовья Тираса, рассматривалась северо-восточная Добруджа. Считалось при этом, что они появились в Поднестровье вместе с греками уже в качестве устойчивого элемента этнической структуры истрийского полиса. Все это подкреплялось признанием Никония апойкией Истрии⁴⁵. В 70-х гг. в лесостепной Молдове было открыто несколько ранних гетских памятников⁴⁶, в связи с чем география фракийской керамики VI—V вв. существенно расширилась. Сейчас этот район, наряду с северо-восточной Добруджей, рассматривается как область, откуда фракийское население могло проникнуть в Нижнее Поднестровье уже на самом раннем этапе его колонизации.

Ряд соображений по поводу формирования комплекса лепной керамики Поднестровья архаического времени мне уже приходилось высказывать⁴⁷. Прежде всего это касается культурной увязки «скифской» лепной посуды. Выше отме-

⁴⁴ И. Д. Головки опубликовано 24 граффито, из которых лишь 9 могут быть отнесены к VI—V вв. (по датировкам фрагментов керамики). Все они, как впрочем и остальные, более поздние содержат исключительно греческие имена (Головки И. Д. Эпиграфические находки // МАСП. 1966. № 5. С. 77—88).

⁴⁵ Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. С. 162.

⁴⁶ Лапушняк В. Л. Указ. соч. С. 19—20, 88.

⁴⁷ Бряко И. В. Скифская керамика античных поселений... С. 28—30.

чалось крайне малое число раннескифских памятников в степных районах, прилегающих к Нижнему Поднестровью. И хотя около 500 г. их количество несколько возросло (см. ниже), тем не менее численность и картографирование таких памятников с одной стороны, и достаточно высокий удельный вес лепной керамики скифского типа на архаических поселениях с другой, не позволяют говорить о присутствии элементов степной культуры в среде колонистов. Кратко о некоторых других аргументах в поддержку этой точки зрения. Во-первых, явление седентаризации, которым объясняют наличие «скифской» лепной керамики на античных памятниках Северного Причерноморья в таком масштабе в раннескифское время, представляется маловероятным по ряду соображений социально-экономического порядка. Вспомним, что подобная керамика в VI—V вв. распространяется вплоть до Истрии и ее окружи. Во-вторых, собственно раннескифских погребений с лепной керамикой в степи практически нет. Захоронения ранних кочевников, как правило, содержат керамику тех оседлых групп (культур), в среду которых внедрились или по соседству с которыми обитали номады⁴⁸. Таким образом, надо признать, что типологическое сопоставление ранней лепной керамики греческих городов и поселений с синхронной кочевнической невозможно, так как последней в чистом виде попросту не существует. Говорить о сложившемся комплексе степной керамики можно не ранее конца V в., когда она начинает в массовом количестве фиксироваться в подкурганых захоронениях и на степных поселениях, появляющихся в это же время⁴⁹. Вероятно, лепная керамика в скифских погребениях может служить одним из индикаторов начала оседания кочевников на землю. В-третьих, типологическое

⁴⁸ К примеру, для Краснознаменной группы — это керамика кобанской культуры, правобережной лесостепной — жаботинская, Венгерской и Трансильванской — фракийская, в киммерийских погребениях степной зоны присутствует столовая керамика групп фракийского гальштата (Сахарна-Солончени и Басараби-Шолдэнешты) и позднего Чернолесья.

Тезис о непрерывной линии развития комплекса лепной керамики Причерноморья от эпохи поздней бронзы к античности нуждается в серьезном замечании, а именно: он справедлив, видимо, только для лесостепной области, тогда как в степи не представляется возможным заполнить период приблизительно в 300 лет, с IX до VII век.

⁴⁹ Экстраполяция типологии скифской лепной керамики конца V—IV вв. на керамику второй половины VII — начала V вв., вероятно, не вполне правомерна. Нельзя забывать, что несмотря на увеличение числа скифских погребений в Северо-Западном Причерноморье с середины V в. (Рис. 1), лепная керамика в них по-прежнему вплоть до конца столетия является, скорее, исключением.

сходство «скифской» лепной керамики греческих поселений Нижнего Поднестровья с лепной керамикой среднестровской и правобережной лесостепи, наличие здесь греческого импорта, в том числе и некоторых типов сероглиняной гончарной посуды, может рассматриваться как свидетельство проникновения в приморскую зону населения лесостепи (Усатово). Лепная керамика т. н. скифского типа из архаических памятников Нижнего Днестра отражает присутствие на них представителей земледельческого населения правобережной лесостепи. Возможно, это — группа памятников типа Иванэ-Пустэ, Залесье, Долиняны. Подкрепить последний тезис конкретными примерами пока довольно трудно, поскольку сходство кухонной посуды всей лесостепной полосы к западу от Днестра, на первый взгляд, едва ли не абсолютное. Столовая же керамика практически не представлена в материалах Никония и сельских поселений. Тем не менее некоторые типы сосудов, происходящие из Никония, с большей вероятностью могут быть сопоставлены с оригинальными формами лепной керамики именно северо-западного происхождения (Рис. 4 — 1, 2, 4, 5). Диагностичным в этом плане кажется обломок горла небольшой лощеной корчаги с горизонтальными валиками-канеллюрами (Рис. 4 — 4). Сосуды такого типа отмечены на поселении Иванэ-Пустэ⁵⁰, в кургане № 3 у с. Долиняны⁵¹, кургане у с. Лоевцы⁵², могильнике шолдэнештской группы Селиште⁵³. Своеобразна форма биконического горшка с наибольшим диаметром тулова в нижней трети его высоты и едва намеченным венчиком (Рис. 4 — 5). Этот тип довольно широко представлен среди материалов куштановицкой группы, наследуя при этом более ранние традиции лужицкого керамического комплекса⁵⁴.

Что касается распространения фракийской керамики, то проникновение какой-то части фракийского населения в VI—V вв. в зону колонизации Нижнего Днестра из районов Пруто-Днестровского междуречья пока плохо согласуется с единичными памятниками лесостепной Молдовы этого периода. Это

⁵⁰ Ганіна О. Д. Поселення скіфського часу у селі Іване-Пусте // Археологія, 1965. Т. XIX. С. 114. Рис. 5—7.

⁵¹ Смирнова Г. И. Курганный могильник раннескифского времени у села Долиняны // АСГЭ. 1977. Вып. 18. С. 36. Рис. 6.

⁵² Крушельницька Л. І. Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи. Київ, 1985. С. 121. Рис. 39 — 6.

⁵³ Лапушняк В. Л. Указ. соч. С. 82. Рис. 25 — 13.

⁵⁴ Попович І. І. Курган куштановицької культури в с. Невицьке на Закарпатті // Археологія. 1985. № 50. С. 54. Рис. 5 — 13, 20; 6 — 8; С. 58.

не означает, однако, что такой вариант совершенно неприемлем⁵⁵, равно как нельзя исключить и появление фракийцев в нижнем течении Тираса из районов Подунавья, причем, это могло происходить независимо от переселения сюда части истрийских греков. Выдвинувшись на левый берег Нижнего Дуная еще в эпоху среднего гальштата, фракийские поселения (Орловка, Новосельское)⁵⁶ находились на расстоянии 3—4-х дней пешего пути от низовьев Днестра.

Таким образом, на первом этапе существования эллинских населенных пунктов в Нижнем Поднепровье можно отметить присутствие здесь двух групп туземного населения: скифского лесостепного и фракийского. Столь тесный симбиоз представителей разноэтничных групп помимо сходных интересов в сфере экономики, вероятно, можно объяснить еще и длительным соседством их исконных территорий в среднем и верхнем течении Днестра. Особенно оживленным было взаимовлияние двух культурно-исторических областей в предскифскую эпоху⁵⁷. Предполагается даже глубокая фракийская экспансия на восток и северо-восток, что в значительной степени повлияло на формирование культуры позднего Черноресья⁵⁸.

Обратимся теперь к хронологии начала колонизации Нижнего Поднепровья. Выше неоднократно упоминалась дата основания Никония — середина VI века. Она, однако, не является общепринятой. Мнения по этому поводу разнятся в пределах 30—40 лет. Высокую дату основания города активно обосновывает С. Б. Охотников. Он считает, что *terminus post quem* для этого дает скифский поход Дария, поскольку, находясь в зоне боевых действий, Никоний должен был подвергнуться нападению персов, а это в свою очередь должно было бы фиксироваться археологически. Так как этого нет, то, следовательно, Никоний был основан после скифо-персидского конфликта⁵⁹. Думается, это весьма шаткий аргу-

⁵⁵ В литературе неоднократно встречаются упоминания о находках архаического импорта на ряде гетских городищ IV века. Однако пока эти материалы не опубликованы (См.: *Никулицэ И. Т.* Северные фракийцы в VI—I вв. до н. э. Кишинев, 1987. С. 15, 92, 102).

⁵⁶ В этом же районе разведками зафиксировано поселение у с. Ново-Некрасовка, где были найдены обломки хосских пухлогорлых амфор (*Шагалій М. Н., Черняков І. Т.* Археологічні розвідки 1964 р. в пониззі Дунаю // Археологія. 1965. Т. XIX. С. 217).

⁵⁷ *Смирнова Г. И.* Культурно-исторические процессы... С. 32—34.

⁵⁸ *Березаньська С. С.* Деякі підсумки вивчення епохи енеоліту-бронзи на території України // Археологія. 1987. № 57. С. 32.

⁵⁹ *Охотников С. Б.* Указ. соч. С. 69.

мент. Ход военных действий в изложении Геродота сам по себе содержит много неясного, что, кстати, нашло отражение в обширной литературе, посвященной этой проблеме. Одним из наиболее полемичных является вопрос о протяженности маршрута персидского войска в пределах Северного Причерноморья. В противоположность традиционному «длинному», существует вариант «короткого» маршрута, который был предложен Р. Хеннингом еще в 50-е годы⁶⁰. Если принять точку зрения Р. Хеннинга, то становится очевидным, что Никоний, как впрочем и Ольвия с ее округой, оставался за пределами района боевых действий. И наоборот, если следовать логике рассуждений С. Б. Охотникова и других сторонников «длинного» маршрута, то тогда нужно объяснить причину миролюбивого отношения Дария к городам и поселениям Нижнего Побужья. И это — при катастрофической, если верить Геродоту, нехватке продовольствия и фуража в персидской армии. Вероятно, говоря о дате основания Никония, есть больше оснований опираться на археологические данные, которые, кроме весьма представительной выборки керамики середины — второй половины VI в., дают целый ряд комплексов этого времени⁶¹.

Значительные разногласия вызывает и вопрос о времени основания Тиры. В определенной степени они обусловлены плохой сохранностью объекта, а также невозможностью вести исследования на широкой площади. В результате, с одной стороны, считается бесспорным основание Тиры Милетом, т. е. до 90-х гг. V в., а с другой, мы не имеем реально не только позднеархаических, но и раннеклассических слоев (хотя материалы конца VI—V вв. хорошо известны). Большинство исследователей все же считает, что город был основан в конце VI века. Кроме уже известных аргументов, в поддержку этого мнения можно привести еще один. На ближней и дальней перифериях Тиры до настоящего времени не обнаружено ни одного поселения позднеархаического периода. На мой взгляд, это может означать следующее. Тира, ее население, не смогла собственными силами осуществить начальную «маркировку» района будущей хоры. Вероятно, это в значительной степени зависело от новых партий переселенцев, которые должны были на раннем этапе существования апойкии поступать из метрополии более или менее регулярно. Учи-

⁶⁰ Хеннинг Р. Неведомые земли. М., 1961. Т. 1. С. 196—197.

⁶¹ Секерская Н. М. Античный Никоний и его округа в VI—IV вв. до н. э. К., 1989. С. 22.

тывая относительно небольшие по численности первые партии колонистов, отправлявшиеся из метрополии, можно предположить, что вскоре после выхода Милетом Тиры связь между ними была прервана. В противном случае демографическая изоляция города, особенно на фоне десятка сельских поселений левого берега, малопонятна. «Отказ» от Тиры можно объяснить лишь известными событиями в Ионии 90-х гг. V в., повлекшими за собой разгром Милета персами. Дата основания Тиры, таким образом, должна быть предельно близкой к указанным событиям, т. е. где-то не ранее последнего десятилетия VI века.

Попытки объяснить диспропорцию в размежевании архаических поселений правого и левого берега Тираса неким политическим или экономическим давлением (соперничеством), которое оказывал на Тиру Никоний, по меньшей мере, неубедительны. Речь идет не о соседстве крупных центров материковой Греции, насчитывавших каждый не одно столетие собственной истории и имевших разветвленную внутреннюю структуру, устоявшиеся торгово-экономические связи, свои вооруженные силы и т. д. Перед нами первые попытки небольших, этнически более или менее однородных групп переселенцев закрепиться на новом, совершенно необжитом месте и сформировать первичные структуры (ядро) будущего хозяйственно-экономического района. В таких условиях экономическое, а тем более политическое соперничество кажется нереальным.

Что касается нижней даты архаических поселений левого бережья нынешнего Днестровского лимана, то нам кажется, что разворачивание сельской округи Никонием⁶² в последариевское время трудно предполагать хотя бы по причине уже реально надвигавшейся, пусть даже потенциальной, угрозы со стороны номадов, которые, несомненно, появлялись в период скифо-персидской войны вблизи греческих населенных пунктов Нижнего Поднестровья. Во всяком случае, появление нового участника исторического действия, участника далеко не безобидного даже на первый взгляд, могло породить состояние неопределенности, при котором соображения безопасности взяли верх над стремлением начать широкое хозяйственно-

⁶² В данном случае понятия «дальней» и «ближней» округи суть вещи одного порядка. Главным является возникновение ядра экономического района (Никоний), с последующей передачей ему метрополией локальных регламентирующих функций. Решительно нельзя согласиться с точкой зрения, предполагающей стихийный характер начальной стадии формирования хоры (См.: Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. С. 95).

экономическое освоение региона. Учитывая время основания Никония, дату возникновения сельских поселений левобережья можно максимально углубить в последнюю четверть VI века.

Приблизительно с конца VI в. отмечено некоторое увеличение скифских погребений в регионе (Рис. 1). Судя по датам, они могут быть синхронизированы со скифо-персидским конфликтом. Очевидно, это можно считать второй волной скифского проникновения в западные районы степной полосы, волной также пока еще весьма незначительной. В это же время скифы проходят в запрутскую Молдову (Васлуй, Хуши; Рис. 1 — 6, 7)⁶³ и, вероятно, в Добруджу. Поход Дария, разрушив на какое-то время монолитность фракийского массива в Добрудже и спровоцировав горизонтальные перемещения в скифской среде, открылномадам дорогу на Балканы. Именно к началу 90-х гг. V в. относится их знаменитый рейд вдоль западнопонтийского побережья к Херсонесу Фракийскому. Очевидно, вскоре после этого по нижнему течению Дуная стабилизируется западная граница Причерноморской Скифии, соответственно скифское влияние распространяется на весь степной регион. Все это, разумеется, не могло не сказаться на судьбах греческих центров Побужья и Поднестровья. Кризис второй четверти V в., его причины и ход подробно освещались в литературе⁶⁴. Ситуация в Поднестровье по археологическим данным практически полностью повторяет нижнебугскую. Прекращается жизнь на сельских поселениях левого берега, в Никонии с напольной стороны сооружается оборонительная стена. В первой половине V в. в близлежащих степных районах появляется небольшая группа погребений со смешанными чертами в погребальном обряде: трупосожжение (полное или частичное) со скифо-фракийским инвентарем (Рис. 1 — 3, 9, 12, 13); а приблизительно с середины V в. начинает быстро увеличиваться число типично скифских степных погребений на территории вплоть до Дуная (Рис. 1). Совершенно правы те исследователи, которые разделяют точку зрения Ю. Г. Виноградова и П. О. Карышковского о том,

⁶³ *Palade V., Ciusă N. Noi descoperiri scitice în judetul Vaslui // SCIV. 1972. T. 23. N. 2. P. 285—292; Palade V. Un mormint scitic la Rediu-Vaslui // SCIVA. 1976. T. 27. N. 4. P. 549—555.*

⁶⁴ В данном случае мы придерживаемся точки зрения тех исследователей, которые видят истоки этого кризиса в изменении внешнеполитической обстановки (См.: *Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э. М., 1989. С. 85—86, 104; Виноградов Ю. А., Марченко К. К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // СА. 1991. № 1. С. 149—150).*

что Никоний, впрочем, как и Ольвия, попадают под скифский протекторат⁶⁵. Подтверждение этому мы находим в выпуске Никонием литых монет с именем Скила. Рассмотрев их иконографию в контексте общеисторической ситуации в материковой Греции и Причерноморье, П. О. Карышковский пришел к выводу, что этот выпуск мог начаться в первой четверти V в., но не ранее 490 года⁶⁶. Это является *terminus ante quem* для скифского протектората над Никонием. Дальнейший ход событий в Северо-Западном Причерноморье лежит за рамками данной работы. В ней хотелось затронуть главным образом вопросы ранней хронологии и попытаться на основании имеющегося материала последовательно обозначить основные этапы становления тех политических структур, которые определили историческое своеобразие региона на протяжении тысячелетия античной эпохи.

Ю. А. ВИНОГРАДОВ

К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского

Одной из особенностей освоения греками берегов Керченского пролива является хорошо известный факт многочисленности здесь весьма крупных поселений, которые обычно именуются городами. Античная традиция сохранила названия приблизительно тридцати боспорских населенных пунктов¹. Однако столь же хорошо известно и то, что письменные источники сообщают об основании лишь пяти греческих апоек в восточном Крыму и на Таманском полуострове. Это милетская колония Пантикапей (Strabo. VII. 4. 4; Plin. NH. IV. 26), милетские же Феодосия (Arr. P. Pont. 30; Anonym. P. Pont. 77) и Кепы (Ps.-Scymn. 896; Plin. NH. VI. 18), колония ионийского города Теоса Фанагория (Arr. Byth. fr. 55; Ps.-Scymn. 886 sg.) и Гермонасса, основанная либо ионийцами (Dionys. Per. 52), либо эолянами, выходцами из Митилены на Лесбосе (Arr. Byth. fr. 55). В принципе, можно предположить, что число апоек было большим, и среди городов, названия

⁶⁵ Виноградов Ю. Г. Указ. соч. С. 90—109; Карышковский П. О. Монеты скифского царя Скила // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. Кировоград, 1987. Ч. I. С. 68.

⁶⁶ Карышковский П. О. Указ. соч. С. 66—68.

¹ См.: Латышев В. В. Краткий очерк истории Боспорского царства // Латышев В. В. ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 61; Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. Л.; М., 1949. С. 27 сл.; Gajdukevič V. F. Das Bosporanische Reich. В., 1971. S. 32 f.